

Нина Чусова: опять выкруливаем в искусство

Кашшермант. — 2003 — 8 авг. — с. 14.

Режиссер Нина Чусова — одна из тех нескольких молодых режиссеров, чьи имена сейчас постоянно на устах у театрального сообщества и на верхних позициях во всех рейтингах. НИНА ЧУСОВА ответила на вопросы РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО.

— Вы поставили за прошлый сезон четыре спектакля в Москве и еще один спектакль в Греции. Пять работ меньше чем за год — это предел производительности труда?

— Конечно, нет. У меня ощущение даже, что я больше сделала. Производительность зависит от того, как дело идет...

— Сколько у вас длится застойный период репетиций?

— Вообще не люблю застойный период. Иногда хочется сделать долгий разбор, чтобы все актеры все поняли. Но больше одного дня за столом не выдерживаю, и мы встаем на ноги.

— Пишете экспликации?

— Да нет, я вообще не могу писать. Времени нет.

— Репетиции весело проходят?

— Очень. Я терпеть не могу, когда грустно и скучно. Сама могу заснуть на репетиции, если скучно станет. Я поэтому не так много хожу в театр, и если иду, то только на новые спектакли. Не могу старые спектакли смотреть.

— Сейчас в Москве склоняют имена нескольких молодых режиссеров. Вы чувствуете себя частью некоей обоймы?

— Наверное, да. Хорошо, что мы не поодиночке начали. Какой-то есть диалог. И при этом нет никакой конкуренции, потому что мы все очень разные. Никому же в голову не придет такая фигня, которая мне вдруг приходит. Мой мир весь фантастический, мне нравится мистика, в которой я существую. Я и живу точно так же, в иллюзиях...

— Вот это да! А все говорят и пишут, что Чусова рационалистка, все просчитывает и заранее придумывает.

— Актеры надо мной смеются на первой репетиции: «Ты уже поклоны придумала?» У меня и правда весь спектакль обычно уже придуман. Даже если я пьесу не перечитывала — она же лежит где-то внутри. И потом это все разом всплывает. А на сцене просто идет раскрутка спектакля, который уже существует.

— В прошлом сезоне вы по инициативе продюсера Павла Каплевича поставили «Имаго» с Анастасией Вертинской в главной роли. Общение с ней не отбило охоту работать с крупными, сложившимися артистами?

— С ней не было тяжело. После «Имаго» вообще все повернулось по-другому. До этого я не делала спектаклей на боль-

шой сцене. Что до звезд, то я же еще сделала антрепризный коммерческий спектакль с Руслановой и Садальским.

— Что за спектакль?

— Как же он назывался... Мы переименовали пьесу. Не помню уже. Мне все говорили, что я сошла с ума. Но зато после этих танков мне никто не страшен. Вообще, я не фанатка работы со звездами. Сейчас среди молодых актеров много талантливых. В них есть беспашанность, хотя они и не знают истории театра, и педагоги их за это ругают. Раньше были такие правильные все, с уважением к традициям, с желанием быть похожим на того или этого. А сейчас молодые актеры стали по-хорошему безответственные, не боятся замутить что-нибудь...

— Вы учились в театральном институте на курсе у Леонида Хейфеца, крепкого режиссера традиционной «психологической» школы. Как же он вам диплом-то выдал?

— Так он меня всегда и ругал. Хотя я и сейчас одна из его любимых учениц. Он сам хотя и весь такой правильный, но любит, чтобы с ним спорили. У нас вообще был курс спорщиков.

— А почему к нему поступали?

— Я поступала сначала к Марку Захарову на курс, но не попала. А через год поступила к Хейфецу. Мне, честно говоря, было важно просто поступить, я особенно не выбирала к кому. Я еще когда училась на актерском в Воронеже, неосознанно стремилась делать что-то сама. И в школе в сочинениях писала, что хочу быть режиссером — но тоже как-то безответственно писала. Вообще не знала, что это слово означает.

— А сейчас знаете? Что такое режиссура?

— Материализация идей. Умение и возможность из ничего сделать что-то. Довести все до конца, начав с нуля. Говорят, что это мужская профессия. Ничего подобного, потому что режиссер, делающий спектакль, похож на беременную женщину.

— Вы были актрисой в самарском театре. Пьесы, в которых играли, сейчас хочется переставить по-своему?

— Я Нину Заречную играла. Вообще всех героинь. Ужас был. Настену в «Живи и помни» играла, но я же не буду ставить «Живи и помни». А «Чайку» когда-нибудь — почему бы нет?

— Есть драматурги, которых хочется поставить? Или все зависит от предложенных условий, места и компании?

— От места и компании, конечно, много зависит. Важно, когда собираются люди одной энергии, тогда дело идет само собой. А никакой пьесы-мечты у меня нет. Я никогда не думала, что вообще близко подойду к Островскому. А вот сейчас делаю «Грозу» в «Современнике». Ну это, конечно, та еще будет «Гроза»! Катерину играет Чулпан Хаматова...

— Если бы вам предложили возглавить театр?

— Нет! Разве если появится что-то свое, с нуля. А сейчас я смотрю на людей, которые недавно впряглись в уже существующие театры, и вижу их муки. Они не знают, что делать. А я не хочу работать чипендейлом, спасать кого-то.

— Наверняка вас раздражают сейчас на части предложениями поставить какие-нибудь шоу — у нас ведь не так много современных молодых режиссеров, умеющих заинтересовать зрителя и при этом не слишком грузить его.

— Со мной ведь не так просто, я же не буду делать за две копейки, с двумя тряпками и двумя стульями. Я много работаю, не халтуру. Но в коммерческих проектах просто удовлетворяю определенные запросы, и результат должен быть предсказуемым. Я же понимаю, что такое зритель антрепризы и как с ним надо работать. Но иногда поневоле увлекаешься. Вот сейчас с Каплевичем опять работаю, над новым проектом. Мы, честно говоря, собрались просто денег заработать. А сейчас опять выкруливаем в искусство. Да что ж это такое!

8.08.03

Чусова Нина